

На правах рукописи

Качин Николай Андреевич

**АРХИВ И КОЛЛЕКЦИИ В. М. ФЛОРИНСКОГО:
ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Дутчак Елена Ерофеевна

Официальные оппоненты:

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кафедра всеобщей истории, профессор

Ильина Кира Андреевна, кандидат исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева, ведущий научный сотрудник

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 11 октября 2019 г. в 17 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/KachinNA11102019.html>

Автореферат разослан « ___ » июля 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Румянцев
Петр Петрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В центре данного исследования находятся архив и коллекции В.М. Флоринского (1834–1899) – разностороннего ученого и государственного деятеля второй половины XIX в., чье имя неразрывно связано с историей создания и открытия Императорского Томского университета и руководством Западносибирским учебным округом. Энциклопедизм В.М. Флоринского в совокупности с четкой гражданской позицией позволял ему делать масштабные историко-философские обобщения, до сих пор вызывающие интерес исследователей. Как имеющие гносеологическую значимость сегодня оцениваются отдельные положения неоднократно переиздаваемых работ ученого в области славяноведения и евгеники, а его размышления о путях развития российской университетской науки актуализированы социальной реальностью.

В настоящее время архив и коллекции В.М. Флоринского представлены в фондах четырех учреждений образования и культуры Казани и Томска. Этот массив источников многослоен и включает в себя как тексты самого В.М. Флоринского (мемуары, дневники, служебная и личная переписка, рабочая документация, научные и публицистические труды), так и собранные им коллекции и артефакты.

Поливидовой характер этого корпуса материалов определил рамки исследования. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что подобные информационные комплексы являются результатом деятельности их владельца, поэтому входящие в них тексты и артефакты следует рассматривать как внутренне связанную систему исторических данных. Искусственное разделение «собранного» и «созданного» может привести к искажению представлений об изучаемой личности. Этот подход обусловил, с одной стороны, использование термина «поливидовой архив» для обозначения единства текстуального и коллекционного наследия В.М. Флоринского, с другой – структуру и содержание диссертационного исследования, призванного показать возможности типологически разных источников исторической информации при реконструкции биографии и деятельности ученого.

Степень изученности темы. Уже в дореволюционный период основные сведения о научной и административной деятельности В.М. Флоринского появились на страницах специализированных биографических и биобиблиографических словарей под редакцией Л.Ф. Змеева, В.С. Груздева и Н.П. Загоскина¹. Их составителями отмечалось влияние трудов ученого на

¹ Змеев Л.Ф. Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 1, тетр. 2. С. 139–140; Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней Императорской Военно-медицинской академии и соединенной с ней академической акушерско-гинекологической клиники / сост. В.С. Груздев. СПб., 1898. 459 с.; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 353–362.

развитие медицинской науки и акцентировалось внимание на его деятельности по созданию первого университета в Зауралье.

Однако в советский период заслуги В.М. Флоринского оказались забытыми, и административная и просветительская деятельность ученого описывалась исследователями в терминах «реакционер-монархист», «покровитель семинаристов», «душитель свобод»². Единственной попыткой реабилитировать его имя стала монография М.Р. Филимонова, отмечавшая заслуги В.М. Флоринского в создании первоначального фонда университетской библиотеки³.

Изменение эпистемологической ситуации в постсоветский период привело к пересмотру негативных оценок. Первым опытом создания научной биографии ученого можно считать работы Е.В. Ястребова, которыми частично введены в оборот мемуары В.М. Флоринского и его переписка с известными отечественными учеными и государственными деятелями второй половины XIX в.⁴

С 1990-х гг. научный и общественный интерес к личности и деятельности В.М. Флоринского неуклонно растет. В настоящее время сформировалось два центра изучения его текстуального и коллекционного наследия. В частности, казанскими исследователями атрибутирована археологическая коллекция ученого, хранящаяся в Национальном музее Республики Татарстан, а переписка с ближайшими родственниками (женой, дочерью и зятем) проанализирована как ценный источник информации по изучению неформальных университетских практик⁵.

Исследовательский коллектив Томского государственного университета под руководством профессоров С.Ф. Фоминых и С.А. Некрылова опубликовал целый ряд статей, в которых деятельность В.М. Флоринского рассматривается в контексте истории становления и развития Томского университета. Особо подчеркнем, что этим научным коллективом в рамках заявленной темы впервые было обращено внимание на информационный потенциал мемуаров ученого и введены в научный оборот материалы по истории комплектования университетских музейных коллекций⁶.

² Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева : очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 49, 53–54, 56, 85–86, 139, 148.

³ Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири : к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. Томск, 1988. 194 с.

⁴ Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск, 1994. 173 с.; Его же. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск, 1996. 221 с.; Его же. Библиография опубликованных трудов Василия Марковича Флоринского. М., 1992. 63 с.; Его же. Василий Маркович Флоринский в Петербургской медико-хирургической академии. М., 1999. 98 с.

⁵ Макарова Е.М. Атрибуция археологических предметов из коллекции В.М. Флоринского в НМ РТ // Материалы Лихачевский чтений, 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2007. С. 253–260; Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.

⁶ Ректоры Томского университета : биографический словарь (1888–2003) / С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 2003. Т. 5. С. 20–27; Иванов С.Б. Воспоминания В.М. Флоринского как источник по истории открытия Императорского Томского университета // Документ как социокультурный

Современные исследователи, обращаясь к личности «строителя университета», видят в нем прежде всего высокопоставленного чиновника, сыгравшего положительную роль в становлении науки и высшего образования на территории Сибири⁷. Необходимо отметить еще одну тенденцию современной историографии – интерес к его научным изысканиям. Так, в последние годы опубликованы работы, определяющие значение научных исследований В.М. Флоринского для отечественной медицины, археологии, истории и этнографии⁸.

Таким образом, в настоящее время сформирован фокус изучения личности и творчества В.М. Флоринского. Вместе с тем выявленная современными исследователями разносторонность его научных интересов и доказанный вклад в развитие российского университетского образования ставят задачу расширения источниковой базы и уточнения важных деталей

феномен : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 25–26 октября 2007 г. Томск, 2008. С. 239–243; Д.И. Менделеев и В.М. Флоринский у истоков Томского университета / сост. С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 2009. С. 76–85; Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) : в 2 т. Томск, 2010. Т. 1. 512 с.; Его же [и др.]. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х – 1880 г.) // Томские музеи : сб. докл. и ст. Томск, 2010. С. 3–41; Его же [и др.]. Дневники В.М. Флоринского как источник по истории императорского Томского университета // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 29–30 октября 2009 г. Томск, 2010. С. 540–546; Флоринский В.М. Заметки и воспоминания. 1875–1880 гг. // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост.: С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 2014. С. 13–229; Дунбинский И.А., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. К вопросу о дате основания Ботанического сада при Императорском Томском университете // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 409. С. 55–60; Томский государственный университет – дело всей России : дайджест по истории возникновения первого Императорского университета в Сибири / сост.: С.Ф. Фоминых, И.А. Дунбинский. Томск, 2018. 130 с.; Дунбинский И.А., Некрылов С.А. Василий Маркович Флоринский и первый сибирский университет в городе Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 38–44.

⁷ Дегальцева Е.А. В.М. Флоринский в Сибири: сатрап и патриот // Актуальные вопросы Сибири : 6-е науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 5–6 окт. 2007. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 221–227; Сеченова А.А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 12 (90). С. 139–141; Бубнов В.А. Василий Маркович Флоринский – организатор и создатель науки в Сибири // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Физиология, психология, медицина. 2014. № 6. С. 3–15.

⁸ Пузырев В.П. Евгенические взгляды В.М. Флоринского на «усовершенствование и вырождение человеческого рода» (к 160-летию со дня рождения) // Флоринский В.М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода. Томск, 1995. С. 120–126; Меркулов С.А., Дунбинский И.А. Славянский мир в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» // Русин. 2015. № 4 (46). С. 44–55; Жук А.В. Василий Маркович Флоринский, его место и значение в отечественной археологии // Вестник Омского государственного университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 1 (5). С. 100–115; Дмитриенко Н.М. Профессор В.М. Флоринский – основоположник сибирского музееведения // Музеи университетов Евразийской ассоциации и их роль в сохранении культурного наследия. Томск, 2016. С. 29–36; Дунбинский И.А., Меркулов С.А. Анализ идеи славянской идентичности в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» // Русин. 2017. № 4. С. 61–72.

его биографии, в их числе – особенности профессионального и карьерного роста, этапы становления научных и общественно-просветительских взглядов, роль религиозных представлений в мировоззрении ученого, истоки формирования интереса к научной и административной деятельности.

Кроме того, не получил полновесной оценки в историографии концептуальный подход В.М. Флоринского к созданию информационной базы Сибирского университета. В частности, требуют самостоятельного изучения его идеи и конкретные шаги по формированию университетской библиотеки и организации университетского пространства. Не стал также объектом комплексного анализа информационный ресурс архива и коллекций В.М. Флоринского в целом. Вместе с тем представляется, что именно они, включившие в себя разные виды исторических источников и складывавшиеся на протяжении нескольких десятилетий, способны стать основой для реконструкции творческой лаборатории устроителя Сибирского университета и интеллектуального ландшафта отечественной науки второй половины XIX в.

Выявленные информационные лакуны потребовали привлечения в диссертационном сочинении исследований, которыми воссоздается *исторический контекст профессиональной и административной деятельности В.М. Флоринского*. Медицинское образование В.М. Флоринского и преподавание в Медико-хирургической академии и Казанском университете обусловили обращение к научным работам, в которых, во-первых, анализируются факторы и процесс трансформации российского врачебного сообщества в корпорацию экспертов, во-вторых, рассматриваются ценностные ориентации и социально-психологические установки российской профессуры второй половины XIX в.⁹

⁹ Думный В. Люди будущего или люди без будущего? Социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2003. 531 с; Булгакова Л.А. Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов : материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 213–235; Ее же. Служебные права врачей в царствование Николая I // Из истории русской интеллигенции : сб. материалов и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 349–374; Ее же. Материальное положение врачей в дореформенной России // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России : сб. ст. памяти М.М. Шумилова. СПб., 2004. С. 163–178; Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. 304 с.; Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования российских университетов. М., 2009. С. 5–104; Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47–79; Смирнова Е.М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 6–19; Печникова О.Г. Правовая регламентация медицинской деятельности в России (первая половина XIX века) // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2013. Вып. 4. С. 161–168; Вишленкова Е.А., Гатина З.С. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154–169; Вишленкова Е.А. Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России (1830–1840-е гг.) // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 172–200; Ее же. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации //

Современные исследования отличают междисциплинарный подход и возросший интерес к разным аспектам социальной истории отечественной медицины. Особо отметим работы Е.А. Вишленковой и З.С. Гатиной. По их мнению, к середине XIX в. в России сложилось экспертное медицинское сообщество, говорившее на языке западной науки, но при этом включенное в решение национальных модернизационных задач. Уже во второй половине XIX в. медики позиционировали себя как профессиональную группу, чья деятельность по описанию и изучению империи отражала широкий спектр взаимоотношений общества и власти. Закономерно поэтому, что сотрудничество медиков и государственных структур стало в дальнейшем частью программы по освоению окраин.

В числе исследований, помогающих охарактеризовать исторический контекст деятельности В.М. Флоринского, укажем еще несколько важных в источниковедческом плане работ.

Исследование К.А. Ильиной, посвященное университетскому делопроизводству первой половины XIX в.¹⁰, заставило задуматься о двойственном положении В.М. Флоринского, с одной стороны, как профессора и члена университетской корпорации, а с другой – министерского чиновника, призванного создать управляемую из центра сибирскую науку.

Эта линия исследования представлена также в совместной статье А.Е. Иванова и И.П. Кулаковой. Историки констатировали, что изучение процесса превращения членов ученой корпорации из «распространителей наук» в «экспертов, политиков, советников предпринимателей, общественных деятелей» предполагает привлечение разноплановых источников эпохи, прежде всего документов из личных архивов профессоров («архивы идентичности»), и использование «явно иных аналитических процедур»¹¹.

Этот вывод обусловил обращение к третьей группе исследований, в которых ставится вопрос об информационном потенциале *личных архивов и коллекций ученых XIX столетия* и продемонстрированы методы его выявления.

Как важные в теоретическом плане укажем работы Н.Г. Георгиевой и М.Ф. Румянцевой, в которых охарактеризован постнеклассический период научного знания и определен формат современного источниковедения как дисциплины, призванной раскрыть полифункциональную природу письменных,

История и историческая память / ред. А.В. Гладышев. Саратов, 2015. Вып. 10. С. 182–200; Ее же. Медицинские советы и врачебные общества в Петербурге первой половины XIX века // История медицины. 2016. Т. 3, № 2. С. 186–201; Гатина З.С. Врачебная экспертиза в системе управления Российской империи первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 28 с.

¹⁰ Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 208 с.

¹¹ Иванов А.Е., Кулакова И.П. Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 114–134.

вещественных и визуальных исторических источников, их гносеологическое значение в познании прошлого¹².

Отдельно следует выделить архивоведческие диссертационные сочинения, посвященные теоретическим и методическим вопросам реконструкции истории фондов и архивов личного происхождения¹³. Их авторы ставили перед собой задачи выявления и систематизации «архивного наследия», исходя из установленных биографических сведений о фондообразователе.

При работе с воспоминаниями В.М. Флоринского первостепенное значение имели фундаментальные монографии А.Г. Тартаковского о развитии мемуарного жанра в России и мемуарах как текстах, максимально полно отражающих историческое самосознание личности¹⁴. Предложенный подход позволил включить мемуарное наследие ученого в широкий источниковедческий и социальный контекст.

К теме формирования и организации личных библиотек известных общественных деятелей и ученых XIX в. неоднократно обращались историки, культурологи, философы и филологи¹⁵. Однако стоит согласиться с мнением О.Н. Ильной, что книга как специфический исторический источник, носитель вербальной информации и одновременно «предмет», отражающий технологии книгоиздания своей эпохи, крайне редко изучается с позиции источниковедческого анализа и синтеза¹⁶.

Безусловную ценность для диссертационного исследования имеют работы об информационном потенциале владельческих и дарственных записей¹⁷.

¹² Румянцева М.Ф. Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М., 2015. С. 70–77; Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Сер. История России. 2016. Т. 15, № 1. С. 7–19.

¹³ Плютто П.А. История и опыт реконструкции архива А.А. Богданова (Малиновского (1873–1928)). Документы А.А. Богданова и документы о его жизни и деятельности в российских и зарубежных архивах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 28 с.

¹⁴ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика : опыт источниковедческого изучения. М., 1980. 312 с.; Его же. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. 288 с.; Его же. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. 357 с.

¹⁵ Библиотека В.А. Жуковского в Томске : [в 3 ч.] / сост.: Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, Н.Б. Реморова [и др.]; отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск, 1978–1988; Колосова Г.И. Собрание книг А.В. Никитенко в фондах Научной библиотеки Томского университета // Книга в России XVII – начала XIX в.: проблема создания и распространения : сб. науч. тр. Л., 1989. С. 124–131; Лобанов В.В. Круг чтения Г.С. Батенькова (опыт реконструкции) // Русская книга в дореволюционной Сибири: рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск, 1992. С. 63–100; Шавыркина Н.А. Личная библиотека : культурно-исторический анализ. М., 2000. 199 с.; Балькова Л.А. Мемориальная библиотека И.С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 22 с.

¹⁶ Ильина О.Н. Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник СПбГУКИ. 2003. № 1. С. 63–69

¹⁷ Бакланова Н.А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 197–205; Поздеева И.В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга : сб. науч. тр. М., 1978. С. 8–21;

Ими на разных материалах показано, что маргиналии позволяют по-новому осмыслить личность владельца книги, установить не всегда уловимую логику его поступков, интеллектуальных запросов, в том числе коллекционных интересов.

Исследования по истории частного коллекционирования в России появляются только в середине XX в. Первой работой по этой теме стала статья С.А. Овсянниковой, в которой на основе архивного материала и публикаций в периодической печати выделены его особенности применительно ко второй половине XIX – началу XX в.¹⁸ С этого времени неуклонно растет число диссертационных работ, представляющих разного рода личные коллекции как особый источник по истории русской культуры¹⁹. Наибольший интерес для нас представляет работа М.Л. Хрипка, в которой предложена классификация коллекционирования и сделан вывод о необходимости отнесения коллекционеров из академической среды к типу «профессиональных собирателей»²⁰.

Результатом философско-культурного и социологического анализа явления собирательства стала монография А.Н. Малинкина. По мнению автора, коллекционная деятельность как культурный феномен отражает две фундаментальные потребности человека – упорядочить свое существование в окружающем пространстве и наделить его смыслом²¹.

В совокупности историографический материал дает основание констатировать растущий интерес к истории и организации личных фондов и коллекций со стороны различных гуманитарных дисциплин, стремление преодолеть дисбаланс между их письменной и вещественной составляющими. В рамках этого проблемного поля сформулированы объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Будагова Л.Н. Дарственные надписи на книгах как источник культурно-исторической информации // Книга в пространстве культуры : тез. науч. конф. М., 1995. С. 10–13; Голева О.П. Некоторые аспекты изучения надписей на книгах // Букинистическая торговля и история книги : межвед. сб. науч. тр. М., 1990. Вып. 1. С. 157–161; Семенова Г.Ю. Об интересах читателей XVII века по материалам записей в книгах: опыт применения корреляционного анализа // Отечественная история. 1994. № 1. С. 169–178; Илизаров Б.С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 184; Пушкарев Л.Н. Записи на книгах как источник по истории культуры (на материале книг Симеона Полоцкого) // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 115–128.

¹⁸ Овсянникова С.А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. С. 66–144.

¹⁹ Савинская Л.Ю. Коллекционирование французской живописи в России второй половины XVIII – первой трети XIX веков: (на материале частных коллекций) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1991. 23 с.; Калинин И.Б. Частное коллекционирование западноевропейской живописи в Санкт-Петербурге в середине XVIII – начале XX веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1995. 22 с.; Шлаева И.В. Частное коллекционирование предметов русской старины как фактор сохранения культурного наследия: конец XIX – начало XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 26 с.

²⁰ Хрипка М.Л. Роль частного собирательства в формировании дореволюционной коллекции исторической музея (третья четверть XIX – 1918 год) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 20 с.

²¹ Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М., 2011. 191 с.

Объектом исследования являются архив и коллекции В.М. Флоринского, **предметом исследования** – системные связи «созданного» и «собранного» В.М. Флоринским, позволяющие реконструировать научную, административную и общественно-просветительскую деятельность их автора и владельца.

Цель диссертационного исследования – выявить и охарактеризовать информационный потенциал архива и коллекций В.М. Флоринского как комплексного источника по изучению основных аспектов его деятельности.

Задачи исследования направлены на выявление информационного потенциала разных видов исторических источников:

- раскрыть информационные возможности мемуаров и эпистолярного наследия В.М. Флоринского для определения этапов его профессионального становления как ученого-медика;

- показать пути использования информации о библиотеке и коллекциях В.М. Флоринского при характеристике связи между его собирательскими и библиофильскими интересами, исследовательской и общественно-просветительской деятельностью;

- определить роль рабочей документации и деловой переписки В.М. Флоринского при реконструкции его замысла по организации пространства Сибирского университета и стратегии комплектования книжного фонда университетской библиотеки;

- оценить информационные возможности поливидового архива В.М. Флоринского как исторического источника, комплексно представляющего его деятельность как ученого, коллекционера и администратора.

Хронологические рамки исследования определяются годами жизни В.М. Флоринского (1834–1899). Экскурсы в предшествующий и последующий периоды (первая половина XIX в., XX – начало XXI в.) обусловлены задачами воссоздания исторического контекста или истории введения в научный оборот анализируемых источников.

Методологическая основа исследования. Базовыми теоретико-методологическими принципами исследования архива и коллекций В.М. Флоринского являются историзм и научная объективность. Историзм определил необходимость раскрытия истории происхождения, формирования и эволюции изучаемого комплекса источников как информационной системы, элементы и части которой воспринимались создателем как единое целое. Принцип научной объективности позволил критически проанализировать достоверность, полноту и информативную ценность коллекционного и текстуального наследия В.М. Флоринского.

Методологическим основанием исследования стала «когнитивная история» с использованием отдельных положений исторической феноменологии (например, постулата о том, что историк изучает источник, а не прошлое)²².

²² Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М., 2005. 210 с.

«Когнитивная история» понимается в данном исследовании как теория, в рамках которой функцией источниковедения названо формирование строгих эпистемологических рамок ретроспективного изучения эмпирической реальности²³. Особенно важным для диссертационной работы является ключевое положение данного подхода о «текстах» и «вещах» как средствах коммуникации во времени и пространстве, фундированное феноменологическим пониманием исторических источников, представленным в работах А.С. Лаппо-Данилевского²⁴. Он первым в отечественной науке предложил рассматривать исторический источник как объективированный результат творческой деятельности человека и одновременно продукт человеческой психики, созданный в рамках определенной культуры.

Наряду с общенаучными методами (анализ, синтез, сравнение, классификация и типология) и специфическими историческими и источниковедческими методами (историко-генетический, проблемно-хронологический, информативно-целевой и дискурсивный анализ текстов) в диссертационном сочинении использовались исследовательские модели, разработанные в рамках социологии управления, *literacy studies* и восходящих к ним отечественных опытов изучения внутренних и внешних, иерархических и структурных связей личных, семейных и коллективных книжных собраний.

Концепция «идеальных типов» М. Вебера позволила соотнести деятельность В.М. Флоринского с «идеальным типом» бюрократии²⁵. Согласно ей «рациональная бюрократия» представляет собой идеальный способ управления имперским пространством, осуществляемый подготовленными специалистами, способными эффективно решать поставленные перед ними государственные задачи. В обмен на гарантии материального обеспечения и обладание особым социальным статусом «бюрократ» обязуется исполнять «специфический долг верности», и только в условиях «служения» определенным идеалам, в том числе создаваемым самим государством, его самоотдача может быть полной. Эти выводы представляются чрезвычайно важными для реконструкции концепции исследовательского университета В.М. Флоринского и интерпретации его практических действий по созданию Сибирского университета.

²³ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 361 с.; Румянцова М.Ф. Для чего люди пишут мемуары ? : (мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии : науч.-метод. журнал. 1998. № 1 (13). С. 141–155; Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков [и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцова. М., 2015. 685 с.

²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории : [в 2 т.]. М., 2010. Т. 2. 632 с.

²⁵ Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия: Критика социологии М. Вебера. Ростов н/Д., 1988. С. 216–242; Пушкарева Г.В. Государственная бюрократия как объект исследования // Общественные науки и современность. 1997. № 5. 77–86; Битэм Д. Бюрократия. Социология политики: классические и современные теории : учеб. пособие / пер. с англ. М.В. Масловского. М., 2004. С. 120–128; Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 2008. 195 с.; Clifford I.N. Bureaucracy, Technical Expertise and Professionals: a Weberian Approach // Sociological Theory. 1986. Vol. 4, № 1. P. 61–70.

Подходы *literacy studies*, направленные на изучение книжных собраний как самостоятельных информационных комплексов²⁶, так и в их отношениях с «вещественными мирами» и поведенческими стратегиями владельцев²⁷ дали возможность рассматривать текстуальное наследие В.М. Флоринского в контексте формирования, с одной стороны, его интеллектуальных, читательских и коллекционных интересов, с другой – его понимания собственной общественной, научной и административной деятельности.

В контексте поставленных задач полезным стало обращение к исследовательским моделям «новой имперской истории»²⁸, в частности подходу А.М. Эткинда к изучению символических инструментов, используемых империей для расширения и укрепления собственных границ²⁹. В этой логике Сибирский университет как самостоятельный институт колонизации должен был «отвечать» за воспроизводство ключевых для империи идей и символов. Теоретически значимым для настоящего исследования стал вывод автора о том, что культурная и ментальная колонизация Сибири была способом самопознания и инструментом формирования идентичностей отечественных интеллектуалов.

Источниковую базу исследования составил широкий круг письменных и вещественных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

1. Письменные источники. Законодательные и нормативные акты. В работе привлечены университетские уставы 1863 и 1884 гг. и законодательные и правовые акты, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ) и «Сборники постановлений и распоряжений по

²⁶ Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхоякма: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 1972–1988 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24–35; Дутчак Е.Е. Конфессиональная книжность как память культуры: опыт изучения старообрядческих скитских собраний конца XIX – начала XXI в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 156–163; Базаров А.А., Доржиева Д.Л., Найданова С.М. «Западные библиотеки» буддистов Забайкалья и культура малоформатных изданий: медицинские и астрологические трактаты // Библиосфера. 2017. № 2. С. 33–36.

²⁷ На путях из Земли Пермской в Сибирь : очерки этнографии североуральского крестьянства конца XIX – начала XX в. М., 1989. 352 с.; Шартъе Р. Письменная культура и общество. М., 2006. 272 с.; Мельникова Е.А. «Воображаемая книга» : очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011. 182 с.; Полежаева Т.В. «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А.С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 116–122; Dutchak E.E., Vasilyev A.V. Breathing Life into Rare Book Collections: the Digitization of the Taiga Skit Old Believers Library // Libri. 2016. Vol. 66, № 4. P. 313–326.

²⁸ Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2001. 501 с.; Российская империя в сравнительной перспективе / отв. ред. А. Миллер. М., 2004. 383 с.; Миллер А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 286 с.; Герасимов И. [и др.]. Новая имперская история и вызовы империи // *Ab Imperio*. 2010. № 1. С. 19–52.

²⁹ Эткинд А. Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–299; Его же. Русская литература. XIX век: роман внутренней колонизации // НЛО. 2003. № 1 (59). С. 103–124; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Куклина. М., 2012. 960 с.; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. М., 2014. 448 с.

Министерству народного просвещения». Их содержание позволяет определить правовые рамки жизни ученого и чиновника второй половины XIX в.

На основе *делопроизводственной и хозяйственно-финансовой документации В.М. Флоринского* реконструированы этапы его профессионального и карьерного роста, выявлены роль ученого в конструировании «сибирского» имперского дискурса и обстоятельства формирования его оценки Томского университета как «духовного орудия в деле покорения Сибири» (Российский государственный военно-исторический архив, фонд Военно-медицинской академии (Ф. 316); Государственный архив Томской области (Ф. 102, 103, 126). Особый интерес представляют делопроизводственные материалы личного фонда В.М. Флоринского, хранящиеся в Национальном музее Республики Татарстан (НМ РТ). В его состав входят свидетельства и дипломы о награждениях и избрании его почетным членом различных обществ и комиссий (1859–1899), документы, касающиеся служебной деятельности в Санкт-Петербурге и Томске (1870–1898), материалы, отражающие финансовое благосостояние и имущественные дела семьи Флоринских (1875–1905).

Источники личного происхождения представлены воспоминаниями и эпистолярным наследием В.М. Флоринского и его современников. Они дают возможность воссоздать «семейную историю» ученого и аспекты его деятельности как имперского чиновника. Например, деловая переписка В.М. Флоринского с дарителями музейных и книжных коллекций позволяет уточнить его действия как попечителя Западно-Сибирского округа, отвечающего за открытие университета.

Базовыми источниками для изучения исследовательской деятельности В.М. Флоринского явились его *научные и публицистические работы* (статьи, монографии, тексты публичных выступлений). Наряду с ними большой интерес представляют черновые записки, проекты и планы, в том числе неопубликованных или незавершенных трудов ученого. Разнообразные по форме и содержанию черновые наброски из личного архива В.М. Флоринского дают возможность рассматривать его идеи как отражение процессов развития научного знания во второй половине XIX столетия.

Для воссоздания идейного контекста складывания творческой лаборатории В.М. Флоринского-исследователя были привлечены *философские и художественные произведения*, повлиявшие на его научное и эстетическое мировоззрение.

Особым видом источников являются *владельческие записки* на книгах. Именно они позволяют безоговорочно отнести конкретное издание к личной библиотеке В.М. Флоринского и тем самым аргументированно судить о его научных и коллекционных интересах.

2. Вещественные источники. Эта группа представлена как самими предметами, так и информацией описей и каталогов. При отсутствии единой методики синхронного анализа материальных и письменных источников в диссертационном исследовании предлагается их разделение в соответствии

с представлениями В.М. Флоринского о дальнейшей судьбе своих коллекций и степени их сохранности в фондах государственных хранилищ.

В частности, основная часть предметов, *собранных В.М. Флоринским «для себя»* (за исключением предметов археологии) не имела владельческого знака, не была внесена в специальные каталоги и со временем растворилась в фондах НМ РТ и ГМИИ РТ, утратив информацию об источнике поступления. Эти данные частично восстановлены на основании выявленных нами документов – описей вещей В.М. Флоринского 1881 и 1938 гг., его личной финансовой документации.

Коллекции, *собранные В.М. Флоринским для Томского университета*, доступны для изучения. Их атрибуции помогают каталог археологического музея (1888 г.), в котором самим ученым даны описания «древностям Семиреченской области» и собранию русских бытовых предметов XIX в., и третий том каталога «Главной библиотеки Императорского Томского университета» с указанием 3 290 изданий и рукописей, переданных В.М. Флоринским в период 1882–1889 гг.³⁰

К группе вещественных источников нами отнесены источники, *содержащие визуальную информацию*: альбом с литографиями интерьеров Главного университетского корпуса и иллюстративные материалы, опубликованные в исследованиях по истории светского и религиозного искусства.

Таким образом, привлеченный корпус источников позволяет проанализировать и раскрыть информационный потенциал архива В.М. Флоринского и собранных им в разных целях коллекций.

Научная новизна диссертации определяется спецификой объекта и предмета изучения: впервые текстуальное и коллекционное наследие В.М. Флоринского рассматривается как единый информационный комплекс. Применение методологических положений «когнитивной истории» и аналитических практик, разработанных в рамках социологии управления и *literacy studies*, позволило подтвердить источниковедческую перспективность рассмотрения «текстов» и «вещей» как взаимосвязанных средств социальных коммуникаций и дифференцировать группы источников, раскрывающие разные аспекты административной, научной и общественно-просветительской деятельности В.М. Флоринского.

На уровне изучения личности этот подход позволяет дополнить выводы историков о моделях профессионального и карьерного роста, характерных для российской медицинской корпорации во второй половине XIX в., и выявить интеллектуальные стратегии библиофилов и коллекционеров из академической среды. На уровне изучения истории сибирской науки и образования он дает возможность установить представления «просвещенной бюрократии» последней трети XIX в. об эффективных инструментах создания университетской инфраструктуры на периферии империи.

³⁰ Каталог главной библиотеки Императорского Томского университета : [в 3 т.]. Томск, 1892. Т. 3. С. 1–87.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение как единого целого текстуального и коллекционного наследия В.М. Флоринского не только показывает разнообразие научных и эстетических интересов его создателя. Избранный ракурс исследования позволяет дифференцировать группы источников по проблемно-тематическому принципу, выделяя информационные массивы, с максимальной полнотой отражающие отдельные сферы его деятельности как практикующего врача и ученого, как коллекционера и общественного деятеля и, наконец, как администратора.

2. Мемуары и эпистолярное наследие В.М. Флоринского позволяют реконструировать социокультурный портрет врача и ученого, профессиональная карьера которого была связана с принятием ценностей «просвещенной бюрократии». Указанным корпусом источников отражено своеобразие политического мышления этого нового для России типа чиновничества: сочетание стремления к реформированию общества с безоговорочной поддержкой существующих государственных устоев, признание зависимости между развитием университетской науки и образования и состоянием «христианской нравственности».

3. Личная библиотека и коллекция предметов искусства, антиквариата и археологических артефактов В.М. Флоринского, названная им «собрание древностей», характеризуют как научные интересы и творческую лабораторию их создателя, так и логику построения интеллектуального пространства науки во второй половине XIX в. По мнению В.М. Флоринского, ученые должны объединяться в научные сообщества с единой программой полевых и кабинетных исследований и своей общественно-просветительской деятельностью способствовать созданию сети публичных специализированных «исторических музеев».

4. Смысловое поле термина «университетский администратор» применительно к изучаемому периоду может быть восстановлено на основе представлений В.М. Флоринского о «национальной» и «полезной» науке и разработанной им модели Сибирского университета. При реконструкции этих аспектов необходимо учитывать не только его программные документы, публичные выступления и воспоминания, но и отобранные им для университета книги, иконы и музейные коллекции.

5. Рабочая делопроизводственная и хозяйственно-финансовая документация, деловая переписка В.М. Флоринского показывают действия имперского чиновника, решающего вопросы организации науки и образования при ограниченном финансировании и в условиях транспортной удаленности от мировых и отечественных исследовательских центров. Используемые им рычаги меценатства, благотворительности, личные и профессиональные связи позволили укомплектовать книжный фонд библиотеки Сибирского университета современными научными трудами и раритетными книжными коллекциями, а концептуальная проработка ее научных задач заложила фундамент для развития широко спектра исследований в первом российском университете Зауралья.

Научно-практическая значимость. Результаты диссертации могут быть применены в научных исследованиях архивного и коллекционного наследия видных исторических деятелей XIX столетия, а также при разработке общих и специальных курсов по источниковедению, истории науки и образования Российской империи. Материалы диссертации могут использоваться при написании учебной литературы по соответствующей или смежной тематике, подготовке публикаций материалов личного архива В.М. Флоринского и создании полноценной научной биографии ученого.

Степень достоверности настоящей работы определяется всесторонним анализом научной литературы по теме исследования, репрезентативностью источниковой базы, включающей различные виды источников, а также корректным применением общенаучных и специально-исторических методов, принципов историзма и объективности.

Апробация результатов. Результаты диссертационного исследования представлены в трех статьях, размещенных в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, а также в одной статье, опубликованной в сборнике научных трудов.

По теме диссертации были сделаны доклады на пяти конференциях международного и всероссийского уровня в Омске, Новосибирске, Самаре и Томске.

Диссертация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России и проекта по Программе повышения конкурентоспособности Томского государственного университета³¹.

Структура диссертации подчинена реализации поставленной цели и задач. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность выбранной темы, научная значимость и новизна исследования, определены его объект, предмет, хронологические рамки, цель и задачи, охарактеризованы методологические основания, методы и источниковая база, раскрыты теоретическая и практическая значимость диссертации, представлены положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Источники личного происхождения в составе архива В.М. Флоринского»** анализируются неопубликованные мемуарные и эпистолярные источники из архива ученого.

³¹ Государственное задание Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6, 2017–2019 «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности»; Программа повышения конкурентоспособности Томского государственного университета, проект № 8.1.24.2018, 2018 «Научные коммуникации цифровой эпохи: институты, ресурсы и тенденции развития».

В первом разделе главы реконструирован исторический контекст описанных В.М. Флоринским событий. Его мемуары представляют несомненную ценность для историков российской науки и образования во многом потому, что автор сопровождает свои воспоминания о конкретных событиях и людях размышлениями о профессиональной карьере медика, целях и тенденциях развития современной ему медицинской корпорации. Это обстоятельство определило обращение к системе подготовки медицинских кадров в Российской империи и истории появления в составе будущих медиков выходцев из духовного сословия.

Во второй половине XIX в. российские врачи благодаря полученному университетскому образованию, приобретенному на службе знанию и государственной поддержке начинают воспринимать себя как «врачебное сословие» с особой миссией и квалификацией. Они смогли заключить с государством выгодный для себя «регулярный контракт»: в обмен на предоставляемую властям экспертную информацию об империи и ее населении ученые-медики получали социальные гарантии и могли частично, преимущественно через систему самоорганизации, влиять на государственные институты. В отличие от зарубежных коллег корпорация российских врачей была чиновничьей по характеру, и потому ее приверженность идеалам «просвещенного государства» имела другую природу. Низкое социальное происхождение большинства врачей в России позволяло им считать себя трансляторами интересов «простого народа» и позиционировать себя как «носителей» знаний о действительных социальных проблемах империи.

Второй раздел главы посвящен анализу мемуаров В.М. Флоринского, названных им «Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени». В соответствии с существующей классификацией этот текст может быть отнесен к мемуарам-автобиографиям, для которых характерен «авторский», произвольный отбор информации. В.М. Флоринский работал над ним в Казани в 1882 г., будучи уже сложившимся ученым-медиком и профессором Казанского университета. Хронологически воспоминания охватывают период 1834–1861 гг.

Учеба в семинарии и академии интерпретируется им как время формирования личности и профессионального становления. Постепенно, со второго курса академии, он начинает встраиваться в новую для него интеллектуальную среду и считать медицинскую карьеру «удачным приложением» своих способностей во благо государства. С позиции ученого-медика В.М. Флоринский оценивает учебный процесс и преподавателей.

Его воспоминания ценны описанием деталей студенческой повседневности 1840–1850-х гг. Они дают представление о выборе научной специализации, практиках общения с профессорами, учебных предметах, содержат характеристики профессорско-преподавательского состава, показывают участие в научной деятельности и мировоззренческую разницу студентов разных поколений. Значительное место в мемуарном комплексе В.М. Флоринского занимают оценки научных трудов его коллег, характеристики их как ученых.

В совокупности это делает мемуары В.М. Флоринского богатым по содержанию источником по изучению профессионального и карьерного роста ученого, истоков и факторов формирования его мотивации к научной и административной деятельности.

В **третьем разделе** главы анализируется «Дневник заграничного путешествия», составленный В.М. Флоринским в начале 1870-х гг. в Санкт-Петербурге на основе разрозненных путевых заметок 1861–1863 гг. Текстом представлен только один из периодов его стажировки в западноевропейских университетах и медицинских центрах (с 5 июня по 24 сентября 1861 г.).

Эти мемуары, во-первых, свидетельствуют об особом внимании В.М. Флоринского к принципам устройства западной научной инфраструктуры (библиотекам, музеям, лабораториям). Впоследствии полученные знания он не только использовал в научных и публицистических трудах, но и постарался воплотить их на практике, участвуя в создании Сибирского университета и работе научно-просветительских обществ Казани и Томска. Во-вторых, они показывают, что в условиях столкновения с другой культурой и более близкого знакомства с западной наукой он начинает устойчиво описывать себя именно как «русского медика» – представителя «передовой науки», приносящей государству «прогрессивное знание».

По форме и манере изложения воспоминания В.М. Флоринского автобиографичны. При этом он не ограничивался фиксацией информации о прошлом или задачей максимально полно раскрыть состояние европейской медицинской науки и практики. Ученый стремился сформировать положительное общественное мнение о себе, в том числе предлагая современникам и потомкам свою интерпретацию событий, показывая себя одновременно частью и творцом истории. В мемуарах в полной мере отразились личность создателя, особенности его характера, мировоззрение и политическая позиция. В силу этого общий объем сведений исследованного мемуарного комплекса значительно шире вербализованной (фактической) информации, присутствующей в тексте. Не менее ценной для понимания социокультурного портрета ученого-медика второй половины XIX в. становится скрытая косвенная (потенциальная) информация, извлекаемая из оценок В.М. Флоринского, его эмоционального отношения к описываемым событиям и их участникам.

Мемуаротворчество В.М. Флоринского подтверждает выводы исследователей о существовании связи между автобиографическим творчеством и стремлением создать собственный архив документов. Эти потребности развивались параллельно и были обусловлены формированием комплексов представлений о ценности, во-первых, частной жизни, во-вторых, систематизированного знания о прошлом. Результатом данных процессов можно считать появление мемуаров на документальной основе и одновременно их эгоцентрическую направленность.

Вторая глава **«Коллекционное и книжное наследие В.М. Флоринского: возможности реконструкции системных связей»** посвящена анализу информационного потенциала личной хозяйственно-финансовой документации ученого и описей семейного имущества. На основе этих источников, впервые

вводимых в научный оборот, реконструированы не только состав личной библиотеки ученого и собранных им коллекций, но и процессы складывания коллекционных, библиофильских предпочтений В.М. Флоринского и его исследовательских интересов, выходящих за рамки медицины.

В **первом разделе** главы охарактеризованы коллекции, собранные В.М. Флоринским «для себя», пути их формирования и назначение в повседневном пространстве.

В ходе изучения фондов Национального музея Республики Татарстан были выявлены документы, открывающие историю обнаружения в 1938 г. семейного имущества Флоринских и результаты последующей атрибуции найденного антиквариата.

Научная значимость этих материалов определяется тем, что В.М. Флоринский не оставил отдельного описания собранных им коллекций.

Сопоставление описей семейного имущества 1881 и 1938 гг. дает основание для выделения двух групп «вещественных источников»: 1) предметы интерьера (мебель, иконы, осветительные приборы, напольные и настенные часы, статуэтки и другие предметы художественного и бытового значения); 2) объекты коллекционирования (монеты, картины, гравюры, литографии, лубочные картинки, произведения восточного декоративно-прикладного искусства, археологические артефакты). Подобное разделение предметов весьма условно, поскольку грань между повседневными и коллекционными вещами не всегда уловима.

Мемуарные записи В.М. Флоринского являются основой для понимания мотивов собирательской деятельности. Он отмечал, что с детства имел «особую страсть» к собиранию разных понравившихся предметов, всего, к чему «временно приходила охота». Эти воспоминания в дополнении с научными трудами В.М. Флоринского открывают причины и следствия его увлечения археологией, этнографией и исторической лингвистикой.

Первое знакомство ученого с «древностями» произошло в середине 1860-х гг. в ходе поездки по южной России, во время которой он осмотрел фонды музеев Одессы и Керчи. Немаловажную роль в формировании начинающего археолога сыграло казанское Общество археологии, истории и этнографии, по поручению которого он разработал проект будущего публичного историко-этнографического музея. Подготовленный им документ отвечал всем научным требованиям своего времени, а сам ученый получил бесценный опыт организации музейного дела, который был им использован в «сибирский период» его жизни.

Своеобразным венцом научной обработки всей имеющейся в распоряжении В.М. Флоринского информации по сибирским древностям стала монография «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии» (1894). На основе разнопланового круга источников в этом исследовании он стремился доказать, что домонгольская Сибирь являлась «исконной родиной славянского народа». Основанный В.М. Флоринским археологический музей стал первым учебно-вспомогательным учреждением

Сибирского университета, и к его открытию он самостоятельно систематизировал и описал более 4,5 тыс. предметов.

Анализ коллекций в сопоставлении с его научными трудами и воспоминаниями дает основание для предположения, что В.М. Флоринский не был обычным коллекционером. Собирательство для него – прежде всего способ познания мира, часть его научной работы. В этой логике коллекционирование становилось первичным этапом научного исследования, методом накопления необходимого материала. Архив ученого как раз отражает процесс превращения коллекционерской страсти в научное изучение собранных артефактов. Безусловно, этому способствовали естественнонаучное образование В.М. Флоринского, его знание иностранных языков и личная склонность к собирательству. Заслуга ученого заключается в том, что он смог трансформировать собственные увлечения в исследовательскую программу, где коллекционирование переставало быть самоцелью и становилось фундаментом для развития знания о прошлом и на следующем этапе – основанием для разработки концепции научного музейного хранения.

Во **втором разделе** главы анализируется книжное собрание Флоринских.

Реконструкция его состава и целевого назначения, проведенная на основе имущественных описей 1881 и 1938 гг., владельческих маргиналий и знаков, документальных свидетельств о приобретении отдельных экземпляров и записей ученого о прочитанном, позволяет оценивать библиотеку Флоринских, во-первых, как универсальную по тематике, во-вторых, как отражающую характерное для академической среды второй половины XIX столетия стремление к энциклопедизму.

Основными способами формирования библиотеки стали покупка книг и получение их в дар. Необходимые или интересные ему экземпляры В.М. Флоринский приобретал в известных книжных магазинах Санкт-Петербурга (магазины А.С. Суворина, А.И. Глазунова, М.В. Вольфа, антикварная книжная торговля «Посредник»), Казани (магазин А.А. Дубровина) и Томска (магазин П.И. Макушина). Свои работы ему дарили ученые, общественные деятели и публицисты.

Источниковедческая значимость всего корпуса материалов о книжной и предметных коллекциях В.М. Флоринского не исчерпывается возможностью восстановления их состава. В совокупности с анализом научных трудов ученого информация о библиотеке, принадлежавших ему произведениях искусства, антикварных и археологических артефактах дает основание для выводов относительно коллекционной деятельности ученых второй половины XIX столетия.

1. В отличие от библиофильского собрания в библиотеке ученого на первый план выходит не редкость или ценность собираемых изданий, а их научная и культурно-историческая значимость. Книжное собрание Флоринских – универсально по своему тематическому составу, оно отражает интерес главы семьи к изданиям по медицине и истории. При этом по своему количественному составу и содержанию оно отличается от частных книжных

собраний XVIII – первой половины XIX в. и может быть сопоставлено с крупными собраниями русских библиофилов из аристократической и купеческой среды.

2. В аналогичном ключе, видимо, следует рассматривать коллекции предметов и артефактов. Для ученых указанного периода собирательская деятельность означала возможности расширения не только собственного кругозора, но и спектра научных и социальных интересов. Так, «собирательство для себя» у В.М. Флоринского – исследователя по призванию и чиновника по роду деятельности – органично трансформировалось в размышления о научном и общественном значении музеев как институтов национальной памяти.

Следовательно, при реконструкции связи «поливидовой архив–владелец» важно установить механизмы, благодаря которым собирательство становилось источником формирования жизненных стратегий. Полагаем, что библиотеки ученых можно рассматривать как своеобразный мегатекст – носитель системных сведений, объемы которых значительно превосходят информационный потенциал отдельных книг и предметов, поскольку их поиск, отбор и систематизацию всегда сопровождают рефлексии владельцев. Именно по этой причине источниковедческий анализ состава коллекций русских ученых второй половины XIX столетия способен дать достаточный материал для воссоздания интеллектуального пространства науки и ее связей с общественно-просветительской деятельностью конкретных ученых.

Третья глава **«Рабочая документация и деловая переписка В.М. Флоринского как источник по истории Сибирского университета»** представляет названные виды исторических источников с точки зрения их способности прояснить и уточнить организационную и инфраструктурную модели университета в первые годы существования.

В **первом разделе** главы проанализированы рабочие документы В.М. Флоринского о распределении православных икон и императорских портретов по университетским помещениям.

На основании программных документов, текстов публичных выступлений и воспоминаний В.М. Флоринского можно утверждать, что университетский вопрос стал в 1870-е гг. ему чрезвычайно близок. Он считал, что отечественное высшее образование находится в глубоком «нравственном кризисе» и ощущает дефицит в «знающих» людях, способных отдельными «распределительными мерами» поддержать сложившуюся систему. Свои экспертные знания как «русского профессора», выдающего университет «изнутри», В.М. Флоринский стремился применить на практике. При этом стоит отметить, что важной составляющей его успешной деятельности как члена Строительного комитета по возведению зданий Сибирского университета и попечителя Западносибирского учебного округа явились личные знакомства с высокопоставленными государственными деятелями (Д.А. Толстым, А.П. Ширинским-Шихматовым и великим князем Константином Николаевичем).

Письменное наследие В.М. Флоринского-администратора дает богатейший материал для визуализации вербальных исторических данных, относящихся к начальному периоду истории Сибирского университета. Его рабочие документы прямо указывают портретные или иконографические изображения, которым он отдавал предпочтение. Это дает возможность наглядно представить, как выглядел открытый при его участии первый университет Зауралья и, значит, понять, какие именно имперские символы виделись ему наиболее адекватными для демонстрации национального значения, создаваемого в азиатской части Российской империи научно-образовательного центра. Поставленные на службу прогрессу условный, символический язык иконы и тщательно подобранный пантеон должны были обозначить его «сакральность», коррелирующую с сакральностью русской монархии. В.М. Флоринский искренне верил в то, что появление университета обязательно приведет к изменению городского ландшафта и «оживит» сибирскую окраину в целом. Национальной, полезной и огражденной от европейских «quasi-гуманных идей» науке отводилась главная роль в этом процессе.

Во **втором разделе** главы исследован комплекс документов В.М. Флоринского по истории формирования библиотеки Томского университета.

Рабочая документация и деловая переписка В.М. Флоринского открывают действия имперского администратора, решавшего вопросы организации науки и образования при ограниченном финансировании и в условиях транспортной удаленности от мировых и отечественных исследовательских центров. Свой подход к организации университетской библиотеки В.М. Флоринский изложил в 1877 г. в «Проекте предложения к жертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета». Этот проект можно назвать программным документом, содержащим принципы комплектования фондов и представляющим саму библиотеку как неотъемлемую часть университетского пространства. В.М. Флоринский активно использовал рычаги меценатства, благотворительности, личные и профессиональные связи для пополнения фондов библиотеки современными научными трудами и раритетными коллекциями. При его личном участии в университете появились книжные собрания многих известных отечественных ученых и государственных деятелей, ценные дары из фондов императорской Публичной библиотеки, Академии наук, Санкт-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати. Даже после укомплектования книжного фондов библиотеки В.М. Флоринский продолжал оказывать ей всестороннюю помощь: он подобрал кандидата на пост главного библиотекаря и принял участие в составлении первого организационно-методического документа – «Правил пользования библиотекой Императорского Томского университета».

Анализ материалов, привлеченных для решения задач третьей главы, помогает очертить смысловое поле термина «университетский администратор» применительно к изучаемому периоду и показать внутреннюю противоречивость деятельности В.М. Флоринского. С одной стороны, принадлежность к профессорской корпорации, непрерывная исследовательская и преподавательская

деятельность сформировали его твердое убеждение в том, что занятие наукой невозможно без «внутренней свободы». С другой стороны, служебные обязанности объективно делали его проводником образовательной политики эпохи Александра II. В попытках совместить эти две идентификационные программы, вероятно, следует искать не только истоки его подчас взаимоисключающих высказываний о «национальной» и «полезной» науке, но и причины оценок его деятельности как «реакционной» на протяжении почти всего XX столетия.

В **заключении** сформулированы основные выводы исследования.

Представляется, что архив и коллекции В.М. Флоринского – незаурядной исторической личности, разностороннего ученого и государственного деятеля второй половины XIX в. – являются уникальной «исследовательской площадкой» не только для детализации истории сибирской науки и образования, но и для понимания «болевых точек» и одновременно перспектив источниковедческого исследования информационных массивов сложной видовой природы.

Избранный ракурс исследования позволил дифференцировать группы источников по проблемно-тематическому принципу, выделив информационные массивы, с максимальной полнотой отражающие отдельные сферы деятельности В.М. Флоринского как практикующего врача и ученого, как коллекционера и общественного деятеля и, наконец, как администратора.

В частности, мемуары и архив В.М. Флоринского как никакой другой источник несут в себе отпечаток личности автора, его психологические и ментальные установки. Изучение этого корпуса текстов дало возможность реконструировать социокультурный портрет медика, вышедшего из семинарской среды и сделавшего карьеру благодаря собственному уму, таланту и трудолюбию. Его трактовка успешной карьеры включает в себя такие категории, как служение Отечеству, народу, постоянное самосовершенствование и признание участия божественного провидения в человеческой судьбе. При этом важную роль в профессионализации ученого играет образ «чужого», через него он конструирует свою идентичность как «русского медика», а впоследствии как «русского профессора».

Принадлежность к врачебной корпорации приобщила В.М. Флоринского к кругу идей, имевших государственное звучание, и обеспечила вхождение в состав российской «просвещенной бюрократии». В условиях усложнения форм управления страной на протяжении XIX в. этот вид «ученого чиновничества» пытался рационализировать имперское управление, прежде всего опираясь на научное («специализированное») знание и широкую сеть специалистов на местах.

Кроме того, в мемуарах устроителя Сибирского университета прослеживается своеобразный тип политического мышления, сочетавшего в себе, с одной стороны, мировоззрение реформатора, сторонника либеральных преобразований, а с другой – консерватора, безоговорочно поддерживающего

идеалы самодержавия. Под влиянием духа времени (реформы 60–70-х гг. и общественного движения 70–80-х гг. XIX в.) он воспринял идеи либеральных консерваторов, оставаясь при этом непримиримым противником любых антиправительственных выступлений.

Материалы хозяйственно-финансовой документации, в особенности описи семейного имущества 1881 и 1938 гг., фиксируют фактический состав собранных В.М. Флоринским коллекций и в сопоставлении с его научными трудами и воспоминаниями становятся самостоятельным историческим источником по изучению системных связей коллекционных и научных интересов их создателя.

Универсальное книжное собрание В.М. Флоринского отражает интеллектуальные приоритеты и эстетические запросы владельца и дает возможность реконструировать его повседневные читательские практики, особенности его творчества и направления его деятельности как чиновника, отвечающего за открытие первого университета в Зауралье. В частности, состав его личной библиотеки, информация о книгах, купленных для университета, в совокупности с документами его архива выступают «носителем» информации при изучении представлений «просвещенной бюрократии» о том, что есть университет и какую роль он может сыграть в колонизируемом регионе.

Рабочая документация и деловая переписка В.М. Флоринского показывают действия университетского администратора, занимающегося вопросами организации науки и образования в условиях ограниченного финансирования. По его замыслу, неотъемлемой частью Сибирского университета как «храма науки» должна была стать библиотека. Он смог решить проблему комплектования ее книжного фонда и концептуально обосновал важность существования подобного учреждения при университете.

Текстуальное наследие В.М. Флоринского-чиновника и его конкретные шаги по созданию научной информационной базы свидетельствуют о том, что именно при его непосредственном участии был заложен фундамент для развития широкого спектра исследований в первом российском университете Зауралья. Обнаруженные нами документы о распределении православных икон по университетским помещениям показали, как символика христианской иконописи была использована В.М. Флоринским для конструирования научной и социальной миссии Сибирского университета. По его мнению, подобный имперский институт высшего образования впоследствии должен был стать форпостом «русской» («православной» и «научной») культуры в Азии. На следующем этапе исследования эти материалы могут расширить источниковую базу исследований имперского колониального дискурса второй половины XIX в., сложившихся на государственном уровне подходов к «интеллектуальному освоению» Сибири и конкретных мероприятий по их реализации.

В.М. Флоринский последовательно формировал собственный архив документальных свидетельств «предыстории» Сибирского университета (1875–1888). Он отбирал документы, с его точки зрения, отражающие именно «государственную версию» истории основания университета. В этом смысле он может считаться «создателем» имперского нарратива, где Сибирский университет предстал как закономерный результат имперской просветительской политики, в противовес мнению областников о его строительстве «снизу», сибирской интеллигенцией и на «местные средства». В этом же ключе, на наш взгляд, следует интерпретировать значение и смысл его действий по организации университетского пространства: подобранный им визуальный ряд также должен был символизировать созидательную роль православной монархии.

Таким образом, разнообразие и широта информации, которую дают архив и коллекции В.М. Флоринского, позволяют высказать некоторые суждения относительно тех направлений источниковедения, которые сегодня нуждаются в коррекции и развитии.

Во-первых, требуется развитие исследовательских подходов к личным архивам и коллекциям не только с позиций исторического источниковедения (их информационных возможностей), но и с точки зрения их феноменологического описания – рефлексии историков по поводу возможностей выявления структурно-функциональных связей, в рамках которых возникли подобные информационные комплексы – продукты целенаправленной интеллектуальной деятельности человека. Такая постановка вопроса, в свою очередь, ставит задачу совмещения специфических источниковедческих и архивоведческих методов с проблемным анализом историографии.

Во-вторых, личные архивы и коллекции необходимо изучать комплексно, как систему, элементы и части которой воспринимались создателем как единое целое. Именно логические связи между ними требуют восстановления и разработки методики их реконструкции. Возможно, одним из эффективных шагов в этом направлении может стать информация визуальных исторических источников, представляющих особенности повседневной жизни и ключевые символы исторической эпохи, – альбомов, фотографий, иллюстративной продукции разного назначения.

В-третьих, современное научное издание мемуарного и эпистолярного наследия должно отражать весь ход творческой работы создателя над текстом, поскольку возникающие в процессе размышлений зачеркивания, дописывания и редакторские правки являются уникальным корпусом данных для воссоздания интеллектуальных и социальных практик исторической эпохи.

Полагаем, что именно такой подход к изучению архивов и коллекций видных исторических деятелей отвечает современной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации и современному пониманию источниковедения как когнитивной науки.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Качин Н. А.** В. М. Флоринский: в поисках сибирской модели «классического университета» / Н. А. Качин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 6 (38). – С. 11–18. – DOI: 10.17223/19988613/38/2. – 0,78 а.л.

Web of Science: Kachin N. A. V. M. Florinskiy: in search of a Siberian model of «classical university» / N. A. Kachin // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Istoriya – University Journal of history. – 2015. – Vol. 6. – P. 11–18.

2. **Качин Н. А.** Собирая «хранилище духовной пищи»: из истории создания В. М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета / Н. А. Качин // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 406. – С. 90–97. – DOI: 10.17223/15617793/406/14. – 0,89 а.л.

Web of Science: Kachin N. A. Creating «spiritual food storage»: from the history of collecting the book fund of Tomsk state university Research library by V. M. Florinsky / N. A. Kachin // Tomsk state university journal. – 2016. – № 406. – P. 90–97.

3. **Качин Н. А.** Создавая «прочный фундамент»: из истории формирования В. М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета / Н. А. Качин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 417. – С. 80–87. – DOI: 10.17223/15617793/417/12. – 0,88 а.л.

Web of Science: Kachin N. A. Creating the «firm basis»: from the history of the creation of the book fund of the Tomsk state university Research library by V. M. Florinsky / N. A. Kachin // Tomsk state university journal. – 2017. – Vol. 417. – P. 80–87.

Публикации в прочих научных изданиях:

4. Дутчак Е. Е. Сибирский университет как «храм науки»: иеротопический проект В.М. Флоринского / Е. А. Дутчак, **Н. А. Качин** // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей. – 2017. – Вып. 14 : материалы Второй международной научной конференции «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII–XX в.». Омск, 26–28 октября 2017 г. – С. 25–34. – 0,70 / 0,3 а.л.

Подписано в печать 01.07.2019 г.
Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 3884 от «01» июля 2019 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28